

Что оставил Гоголь после себя в мире? Шубу, старые пальто, холстинные простыни, носки, носовые платки, карманные часы, книги, – в целом «имущество покойного Николая Васильевича Гоголя составляло стоимость в 43 рубля 88 копеек серебром» [1, с.522]. С собой же он унес драгоценность, цену которой при жизни стал постепенно забывать, а потом и вовсе решил запрятать подальше, уничтожить. Но свойство этого предмета было таково, что он не мог существовать отдельно от своего владельца, – так и ушли вместе... «Не тем путем, по которому идут все, а тем, по которому должно идти» (Сенека).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Золотусский, И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – 4-е изд. – М.: Мол.гвардия, 2005. – 485 с.
- 2 Воропаев, В. А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки / В.А. Воропаев.— М.: Макариевский фонд, 2002.— 208 с.

А.Ф. Березко (Беларусь)

ЖАНР ИСПОВЕДИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

В многовековой истории жанра исповеди есть произведение, аналогов которому по сложности его судьбы найти практически невозможно. Речь идет о «несчастной книге» (по определению А. Блока) русской литературы – «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Почти 150 лет это гениальное произведение считалось реакционным и не имеющим литературных достоинств. И лишь в конце XX века «Выбранные места из переписки с друзьями» усилиями таких исследователей как В. Воропаев, И. Виноградов, Ю. Барабаш, П. Михед, были оценены по достоинству.

Вопрос жанровой идентификации «Выбранных мест...» – один из самых сложных и дискуссионных в гоголеведении. Традиционно выделяют два основных подхода: одни литературоведы рассматривают гоголевскую книгу «как произведение с публицистическим потенциалом, положившее начало традиции «открытого личного документа» в русской литературе XIX в., в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского» [1, с.116] (Р. Поддубная), другие – классифицируют ее как синтез христианских жанров исповеди и проповеди (В. Воропаев, И. Виноградов). Основополагающим критерием в решении данной проблемы нам представляется мнение самого Н.В. Гоголя, который называл «Выбранные места...» «исповедью человека, который провел несколько лет внутри себя» [2, с.280]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что книга Н.В. Гоголя – это исповедь особого рода, обладающая своими специфическими особенностями, которые выделяют ее из общего ряда произведений данного жанра.

Обращение Н.В. Гоголя к жанру исповеди нельзя считать случайностью, поскольку исповедальные нотки звучат во многих других его произведениях (наиболее отчетливо в лирических отступлениях «Мертвых душ»). Как полагал П. Михед, «есть много свидетельств того, что Гоголь высоко ценил исповедь в качестве главного содержания искусства» [3, с.200]. Писатель активно отстаивал право существования исповеди в русской литературе, стремясь разрушить у читающей публики негативное представление о данном литературном жанре: «Есть еще старое поверье, что пред публикою нужно более скрыть, чем выставить слабые стороны, что это охлаждает читателей, отгоняет покупателей. Это неправда. Голос благородного беспристрастия долговечней и доходит равно во все души» [4, II, с.291]. На закономерность возникновения исповедального жанра в творчестве Н.В. Гоголя косвенно указывают следующие слова, содержащиеся в одном из его писем: «Я уже давно питал мысль – выставить на вид свою личность» [4, II, с.364].

Н.В.Гоголь ощущал острую потребность в создании собственного исповедального произведения. Тяга к исповеди была настолько сильной, что не позволяла продолжить работу над вторым томом «Мертвых душ», появления которого ждала публика. Чтобы понять, какой тяжкой ношей лежала на душе Н.В.Гоголя нужда в исповеди, необходимо обратиться к письму писателя к М.П. Погодину, в котором он подробно описывал свое

душевное состояние в этот жизненный период: *«Целые два года я почти ничего не в силах был делать: так меня занимало желание излить перед тобою чистосердечную исповедь мою. Я принимался за перо и всякий раз изнемогал над ним. <...> Словом, это была страшная работа. Ничем другим я не в силах был заняться, кроме этого, и всякий раз, изнурившись, выбившись из сил ... я давал себе слово оставить это и не объяснять себя. И всякий раз вновь тянуло с непреодолимой силой перед тобой изъясниться. Я писал и рвал тогда же исписанное...»* [4, I, с.428]. Можно предположить, что стремление исповедаться перед М.П. Погодиным в конечном счете привело Н.В. Гоголя к покаянию перед всей Россией. Из единичного письма-исповеди замысел разросся до целого художественного произведения, в котором автор изложил свои заветные мысли.

К работе над «Выбранными местами...» Н.В. Гоголь приступил, будучи очень слаб здоровьем. «Я был тяжело болен; смерть уже была близко», – такими словами писатель начинает свою исповедь, как никто иной чувствующий «слабость сил моих, которая возвещает мне ежеминутно, что жизнь моя на волоске...» [2, с.30]. В середине 40-х годов XX века К. Мочульский, отмечая своеобразие авторской позиции Н.В. Гоголя в «Выбранных местах...», писал: «Гоголь увидел мир *sub specie mortis*» [5, с.100]. Это позволяет отнести «Выбранные места...» к особой разновидности жанра исповеди (условно назовем ее предсмертная исповедь), основу которой составляют покаянные произведения смертельно больных авторов («Чистосердечное признание...» Д.И. Фонвизина, «Дзезя маёй мыслі, сэрца і волі» К. Свояка, «Vixi» А. Адамовича и др.). К числу отличительных особенностей предсмертной исповеди следует отнести прощальный характер произведения, интонацию авторского смирения, минимальную заботу исповедника о читателе, оценку собственной жизни с точки зрения смерти, предельную степень искренности главного героя.

Обращение Н.В. Гоголя к жанру исповеди находится в тесной связи с реализацией главного замысла его жизни – возложения на себя сана духовного учителя для всей России. Существование такого намерения у писателя уже неоднократно отмечалось исследователями (К. Мочульский, П. Михед). Так, П. Михед предложил называть этот проект «апостольским», связывая его зарождение и реализацию с пребыванием Н.В. Гоголя в особом для христианской культуры месте – городе Риме [6, с.150]. Н.В. Гоголь решает создать произведение, со страниц которого он выступил не в качестве обычного писателя, а в роли старца, духовного учителя для всей России.

Немаловажным фактором, укреплявшим веру Н.В. Гоголя в его пророческом предназначении, являлись письма друзей, в которых они всячески поддерживали устремление писателя. «Не остывай в деле своем; не охлаждайся. Помни, что велико твое призвание в России» [4, II, с.299], – убеждал Н.В. Гоголя в марте 1843 года С.П. Шевырев.

Окончательному воплощению гоголевского замысла по возложению на себя сана духовного учителя, старца для всей России со страниц «Выбранных мест...» предшествовала длительная подготовительная работа автора, которую он вел в письмах к своим друзьям-корреспондентам. Начиная с 1840-х годов, в каждом из своих писем Н.В. Гоголь ведет тщательную и изнурительную работу по отшлифовке, кристаллизации исповедально-проповеднического инструментария, обретая все большую уверенность на новом для себя поприще проповедника. Значительная роль в этом процессе отводилась знакомству писателя с исповедальными опытами своих предшественников. «Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустытника, меня занимало...» [2, с.287], – признавался писатель в «Авторской исповеди».

Н.В. Гоголь был абсолютно уверен в успехе своей книги. Высылая 30 июля 1846 из Швальбаха рукопись книги, Н.В. Гоголь писал П.А. Плетневу: «Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое по моему соображенью, воспоследует немедленно: книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга» [4, II, с.262]. Удачно выбранная жанровая форма, а также актуальность затрагиваемых вопросов должны были, по мысли Н.В. Гоголя, обеспечить ей безусловный читательский успех. Вера в признание книги русским обществом укреплялась в

Н.В. Гоголе мыслью о том, что он божественный избранник, что сам Бог пишет его рукой: «Сердце мое говорит, что книга моя нужна и что она может быть полезна. От нас уже довольно бывает протянуть руку с тем, чтобы помочь, помогаем же не мы, помогает Бог, ниспосылая силу слову бессильному» [2, с.30].

«Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя выделяются из общего числа исповедальных произведений. Автор в своем произведении изначально не стремился покаяться в собственных грехах. Прямое свидетельство такого понимания природы исповедального жанра содержится в письме Н.В. Гоголя к В. Жуковскому: «Больше половины писем оставлены цензурой, именно тех самых, которые относятся к должностным лицам и всяким чиновным дельцам, стало быть самых существенных и по моему, нужных писем... Лица и предметы, на которые я обращал внимание читателя исчезнули, и выступил один я, своей собственной личной фигурой, точно как бы издавал книгу затем, чтобы показать себя» [4, I, с.197]. Читатель же, руководствуясь прочно укрепившимися в его сознании архетипическими представлениями об исповеди как покаянии, искал в произведении с таким жанровым обозначением именно авторского сокрушения. Не найдя его, он стал возмущаться, что и предопределило общую неудачу книги. Для Н.В. Гоголя жанр исповеди – это форма выражения своих заветных мыслей, взглядов, а лишь затем правдивый рассказ о собственной жизни. Автобиографический материал, присутствующий в «Выбранных местах...», занимает незначительный объем в произведении, не является стержнем повествования и используется автором лишь для создания необходимой атмосферы, располагающей читателя к восприятию наставлений. Традиционно, писатель, обращающийся к жанру исповеди, демонстрировал читателю сокрушение по поводу своей греховной природы в надежде добиться личного нравственного возрождения. Н.В. Гоголь же в «Выбранных местах...» стремиться достичь спасения всего государства в целом, поэтому он обличает не свои собственные грехи, а «страхи и ужасы России». Небывалая для исповеди роль старца, пророка, которую занял в «Выбранных местах...» Н.В. Гоголь, привела к нарушению баланса между исповедальными и проповедническими элементами в структуре данного литературного жанра. Замысел Н.В. Гоголя обусловил выдвижение на первый план всегда присутствующего в исповеди, но не всегда заметного невооруженным глазом проповеднического начала.

Для того чтобы читатель поверил, откликнулся на проповедуемые со страниц «Выбранных мест...» идеи, Н.В. Гоголь стремился зародить в его душе представление о собственной чистоте. Ключевую роль в формировании идеального авторского образа Н.В. Гоголь отводил портрету, который по замыслу писателя, должен был предварять «Выбранные места...». По предположению Н.Г. Машковцева, Н.В. Гоголь планировал предстать перед русской публикой «в образе одного из персонажей картины А. Иванова «Явление Мессии» – кающегося грешника, так называемого «ближайшего к Христу»» [7, с.385]. Однако замыслу писателя не суждено было сбыться: в 1843 году М.П. Погодин в журнале «Москвитянин» поместил литографию П. Зенькова с портрета Н.В. Гоголя работы А. Иванова, где автор, по его собственным словам, явился «неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами» [7, с.385].

Еще одним новаторским ходом Н.В. Гоголя, призванным повысить градус убедительности сказанного в книге, явилось привнесение в структуру исповеди черт иного, такого же интимного литературного жанра – жанра письма. На наличие связи между названными жанрами Н.В. Гоголь указывает уже в заглавии своего произведения – «Выбранные места из переписки с друзьями». Более того, сама исповедь предстает в книге в форме писем к реальным или вымышленным лицам. Форма письма придавала разговору с читателем доверительный тон, предоставляла возможность в виде дружеских рекомендаций, советов, наставлений, ненавязчиво влиять на общественное сознание.

Важную роль в структуре «Выбранных мест...» Н.В. Гоголь отводил собственному завещанию. Помещенное сразу же за авторским предисловием, оно приносило в книгу ореол церковности, святости, подлинности, что побуждало публику воспринимать гоголевскую исповедь с принципиально иных, отличных от опытов его предшественников,

позиций. Завещание, расположенное в светском художественном произведении, позволило Н.В. Гоголю достигнуть в «Выбранных местах...» максимально возможной степени искренности перед читателями.

Обращение Н.В. Гоголя к литературной исповеди, не принесшее ему положительных эмоций, сыграло важную роль для укоренения жанра в русской литературе. По меткому замечанию Е. Анненковой, книга Н.В. Гоголя «пробудила исповедальный потенциал русского общества (хотя, как и подлинная исповедь, эта готовность раскрыть себя во многом осталась скрытой, не вышла на страницы напечатанных изданий)» [8, с.220].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Янушкевич, М. Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра / М. Янушкевич // Гоголеведческие студии. – Нежин, 2001. – Вып.7. – С.115-126.
- 2 Гоголь, Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь. - М.: Сов. Россия, 1990. – 432с.
- 3 Михед, П. Пізній Гоголь і бароко: українсько-російський контекст. Монографія / П. Михед. – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2002. – 208с.
- 4 Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. – М.: Худож. лит, 1988. – 2т.
- 5 Мочульский, К. Духовный путь Гоголя / К. Мочульский // Н.В. Гоголь и Православие. – М.: «Отчий дом», 2004. – С.40-153.
- 6 Михед, П. Рим в творческом сознании Гоголя / П. Михед // Нові гоглезнавчі студії: Вып.2 (13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – С.143-158.
- 7 Цит. по: Воропаев, В. «Сердце мое говорит, что книга моя нужна...» / В. Воропаев // Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. – М., 1990. – С. 3-26.
- 8 Анненкова, Е. Анкета «Гоглезнавчих студій» / Е. Анненкова // Нові гоглезнавчі студії: Вып.2 (13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – С.219-221.

Н.А. Дробышевская (Беларусь)

Н.В. ГОГОЛЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Эпоха серебряного века русской культуры отмечена мощным «взрывом» интереса к Н.В. Гоголю. Русскими символистами творения Гоголя, сама его личность воспринимались как символы, в которых необходимо было раскрыть тайный и высший смысл, прочитать пророчества о дне нынешнем и будущем. Это привело, во-первых, к теоретическому постижению символистами творчества Гоголя и, во-вторых, к появлению большого числа сочинений, ориентированных на гоголевскую традицию, среди которых, безусловно, следует выделить произведения Федора Сологуба.

Федор Сологуб (1863-1927), пожалуй, один из самых загадочных писателей серебряного века. Природная скрытность, уничтожение части собственного архива сделали жизнь художника тайной не только для современников, но и для последующих поколений читателей.

Имя Сологуба для многих современных ему критиков было тесно связано с именем Гоголя: писателя чаще всего воспринимали как «второго Гоголя», как «несмеющегося Гоголя». В исследовательской практике достаточно быстро складывается устойчивая традиция рассматривать специфику сологубовского метода и стиля в контексте гоголевского наследия.

Например, И. Анненский в своей статье «Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье» писал: «Едва ли кто более Сологуба, так непосредственно не приближался к Гоголю. Пускай в телесности Сологуба уже прячется городская соблазн и луна его точно сделана в Гамбурге. Но что же из этого? Разве все эти сологубовские люди, которых смешно обличать, но еще нелепее любить и даже жалеть, – разве они уже не заготовлялись вчерне в лаборатории «Мертвых душ»?» [1, с. 235].